

Николай Иванович Коновской родился в 1955 году в селе Варваровка Белгородской области. Окончил Литературный институт им. А.М. Горького. Печатался в журналах «Москва», «Молодая гвардия», «Наш современник». Автор книг «Равнина», «Твердь», «Зрак», «Врата вечности», «Тростник». Член Союза писателей России. Живет в Москве.

Николай Коновской

ВРАЗУМЛЕНИЕ МАЛОВЕРА

Рассказ

«...и чудо есть Бог».

Б. Пастернак

Людмила Васильевна Тихонова — член одного творческого Союза, а если конкретнее — то прозаик, а если еще конкретнее — то детский писатель.

Детские писатели и поэты, кстати, расплодилось нынче в столицах в ранее не виданных количествах. Может, потому, что за детские книжки взялись артисты, политики, чиновники разных рангов и их скучающие жены. В чем дело — сказать трудно, наверное, взрослые дяди и тети полагают, что дети по причине отсутствия у них критического мышления скушают и эрзац как продукт натуральный, лишь бы обертка была блестящей и завлекательной.

К Людмиле Васильевне сказанное выше не относится, так как она принималась в писательский Союз еще в советское время, когда критерии приема были очень жесткими, а время, в течение которого рукопись превращалась в долгожданную книгу, измерялось пятью-семью годами.

Литературными премиями наша Людмила Васильевна избалована не была, как сейчас говорится, от слова вообще; лишь изредка, время от времени в издатель-

ствах, где еще каким-то чудом сохранились старые работники, издавала свои добрые детские книжки, изредка также получая за них символические гонорары — так, слезы одни, а не гонорары, если сказать так, как есть.

Нравы писательского сообщества таковы, что не только у поэтов, но и у прозаиков, даже у детских писателей (господи, помилуй!) считается нормальным тоном, «в круг сойдясь, оплевывать друг друга». Но это дело привычное, человеческое — было бы от чего огорчаться.

Оценку своих литературных трудов больше, чем кому-либо, Людмила Васильевна доверяла давно дружившему с нею заносчивому поэту К., который в минуты раздражения, имея неровный характер, то называл ее писания чудовищной графоманией, достойной мусорной корзины, то, когда на него находили приступы благодушия, среди прочих положительно отмеченных ее вещей восторгался миниатюрной вещицей «Бемека и Мебека», до которой, как он считал, далеко всем Хармсам и Введенским вместе взятым (любопытствующие могут справиться в инете).

Особенность детского восприятия мира такова, что их мечты и фантазия неотделимы от реальности; они становятся как бы такой же реальностью в их чистом, неповрежденном «взрослым миром» сознании.

«Будьте, как дети», — это ведь не напрасно сказано и не на один день, а на века. Не будет неправдой сказать, что и сама Людмила Васильевна, если к ней внимательно приглядеться, чем-то сущностным напоминала своих маленьких литературных героев — наверное, жаждой справедливости, добротой, честностью и, что самое не сочетающееся с ее уже не вполне юным возрастом, — беспочвенным фантазерством и верой в чудо (чтению запоем святых отцов и житий святых дали свои плоды).

«Подобное притягивается подобным», — можно было часто слышать от нее не вполне понятную и непонятно к чему относящуюся фразу.

— А я слышал совсем другое, — иронизировал заносчивый поэт К., — что притягиваются только противоположности.

Наверное, в чем-то он был прав, ибо чем иным можно было объяснить ее приятельство с полной своей противоположностью, отрицающей всякую веру в чудеса, скептиком и эмоциональным сухарем с говорящей фамилией — Анатолием Ивановичем Суховым, — он-то и будет основным персонажем нашего дальнейшего повествования. Но начнем по порядку.

Итак, как поведала Людмила Васильевна, Сухов пришел в редакцию их заводской многотиражки, где она уже работала больше года, после армии: он собирался поступать в МГУ на факультет журналистики, где для поступления нужно было представить на творческий конкурс свои напечатанные материалы.

На улице стояла середина восьмидесятых, «перестройка» сменялась «ускорением», «ускорение» — «гласностью» или наоборот (столько отцы родные наворотили «благого» за прошедшие десятилетия, что и не упомянуть); страна выполняла свой интернациональный долг, боролась за мир во всем мире, не подозревая, что ей самой, кажущейся многим нерушимой глыбой, отпущено всего несколько лет существования.

Сухов, окунувшийся в столь желанный для него мир, наслаждался новой для него редакционной суетой, относил вычитанные гранки в типографию — там его завораживал даже запах типографской краски.

Надо сказать честно, что они — пока еще Мила и Толик — и дальше помогали друг другу всю жизнь то в одной ситуации, то в неожиданно свалившейся другой.

Смешно и приятно вспомнить Людмиле Васильевне, как Анатолий Иванович — тогда еще Толик, Толян, Толя — заполошно и неутомимо таскал стулья из ближайшей школы на празднование ее первой и не последней (так сложилась жизнь), к сожалению, свадьбы.

Что тогда чувствовал Анатолий, никому не ведомо, но их отношения никогда не переходили грань дружеских симпатий, да и держать себя в руках он умел. По жизни Сухов был, как это уже вскользь отмечено, скептиком, чем-то даже отдаленно напоминающим тургеневского Базарова, но огонь не циником: вот уж чего не было, того не было.

Но, несмотря на несходство характеров (Мила Тихонова была в ту пору горячим романтиком-идеалистом), они все же дружили, если эти отношения можно назвать дружбой — многие предупредительно говорят, что дружба между мужчиной и женщиной — это огонь, сокрытый в соломе! Но у них, к счастью, ничего в соломе не полыхнуло.

Проще говоря, у них была простая человеческая приязнь, а может, каким-то странным образом противоположностям дано было притягиваться.

Шло время — быстро, незаметно и неумолимо.

Получив основательное университетское образование, оттолкнувшийся от заводской многотиражки Сухов быстро пошел вверх по служебной лестнице, и каждый его новый пост был статуснее предыдущего.

Людмила Васильевна, хотя и не была одержима карьерным честолюбием, но тоже не сидела сложа руки; ведь под лежащий камень вода не течет — не так ли? Каким-то образом она попала на техническую должность в писательскую среду, где по совету приметивших ее литературные способности маститых авторов стала писать детские рассказы, как нельзя более гармонизовавшие с ее внутренним душевным миром.

Иногда они пересекались с Суховым, чаще всего это случалось в уютном кафе на Кузнецком Мосту. С Людмилой Васильевой время от времени происходили странные необъяснимые истории, которыми она откровенно делилась с другом своей далекой юности — вот, например, сидят они в своем излюбленном кафе, «подруга дней его суровых» излагает очередную историю из серии «удивительное рядом», Сухов серьезен, он без улыбки откидывается на спинку кресла и со свойственным ему спокойствием охлаждает мистический пафос Людмилы Васильевны:

— По твоей теории, подобное притягивает подобное; ты веришь в чудесное составляющее нашего бренного бытия, и с тобой чудесное случается; я — это другое, я — реалист, прочно стоящий на земле; сейчас вот загородный дом достраиваю, дочь по моим стопам пошла, в МГУ поступила, — все сам, своими стараниями, своим умом.

— Да, — великодушно соглашается Людмила Васильевна, — молодцы; мы же, писатели, сейчас не в цене; сами ребята, сами — единственное, что могли посоветовать государственные мужи нам, не желающим поддаваться духу времени, а потому и находящимся в нищете, русским литераторам.

Реалист и резонер Сухов смягчается и, в свою очередь так же великодушно подыгрывая, возражает:

— Вот уйду я из начальников и стану никем, простым пенсионером, а ты даже на пенсии останешься писателем.

Так они и завершали свои дружеские посиделки — с неизменной приязнью, но и с холодным пониманием того, что их пути разошлись еще в молодости. Но люди, прожившие жизнь, понимают, что товарищество и доверие, идущие из молодости, не имеют цены и возраста.

Бывало, что Сухов приезжал в их писательский дом на творческие вечера, но, пожалуй, скорее из вежливости и чувства товарищества.

Людмила Васильевна тоже иногда случалось бывать в его огромном кабинете, но это в основном когда надо было помочь кому-то с трудоустройством.

Секретарша Анатолия Ивановича приносила в кабинет кофе, и Людмила Васильевна дежурно шутила:

— Когда меня выгонят с работы, возьмешь меня в канцелярию на большую зарплату?

— Легко, — грустно и серьезно соглашался он, — просто жалко будет тебя из писателей забирать, здесь ты станешь винтиком механизма, обычной чинушей.

Однажды зимним январским днем у Людмилы Васильевны раздался звонок — это Сухов предложил в их любимом кафе выпить кофе с пирожным и тем самым отпраздновать его очередной день рождения.

Людмила Васильевна прихватила ждавший своего часа немудреный подарок. И они встретились на том же самом Кузнецком Мосту, в той же самой кофейне, где еще витал остаточный запах безвозвратно куда-то исчезнувшей прежней жизни, но все — глаза, выражение лиц, манера держаться — у посетителей было уже совсем другими.

Когда они договаривались о встрече, Людмилу Васильевну что-то насторожило в голосе Сухова, какой-то не свойственный ему эмоциональный всплеск. Она еще учтиво, но и вместе с тем шутливо спросила:

— Твои девочки (имея в виду жену и дочь) здоровы, подчиненные не бунтуют, стараются?

Сухов пообещал ей рассказать все при встрече.

Историю он рассказал совершенно необыкновенную, до глубины души растрогавшую даже привычную ко всему чудесному Людмилу Васильевну.

История такая...

Накануне своего пятидесятилетия Анатолий Иванович был в командировке в Питере, встречался по работе с важными сановниками, потом, после окончания деловой части, все устремились на банкет, а он, равнодушный к алкоголю и банкетам, попросил отвезти его в храм блаженной Ксении, покровительницы Петербурга, — таково было желание его дочери.

Сухов христианином был чисто номинальным, даже в «захожанах» себя не числил, правда, посещал все же иногда храм на Пасху или Рождество с тем, чтобы поставить свечки за упокой родителей или за здоровье домочадцев.

А тут случилась оказия — целых три часа до поезда, и к тому же он еще вспомнил о просьбе дочери Наташи, о том, чтобы он упросил блаженную Ксению вымолить для нее счастливую судьбу.

Делать было нечего, и он попросил местного водителя, знающего город, отвезти его к блаженной Ксении.

Вряд ли по его описанию тот храм, куда они приехали, был часовней, упокоившей ее мощи, но в нем, несомненно, имелся ее чудотворный образ — иначе в Питере и быть не могло.

Время было уже вечернее, лютовал мороз, метель на улице бушевала страшная.

Храм стоял на горке, навстречу к нему вели заметные снегом ступеньки.

Водитель, отговаривавший Сухова по такой погоде выходить из машины: холодно, мол, храм, наверное, закрыт — людей не видно, — остался дожидаться его внизу.

Сухов все же пошел по обледеневшим уже ступенькам вверх на слабый свет, едва заметный сквозь сплошную стену метели.

Почему пошел — из любопытства, упрямства? Нет, для того, чтобы исполнить важную для дочери просьбу.

Он уже почти дошел до притвора храма, как заметил: прямо на ступеньках сидит скромно, даже бедно одетая бабушка и на коленях держит коробку для сбора милостыни.

Он склонялся к мнению многих, что сбором милостыни занимаются мошенники, которых крышует мафия, имеющая свой процент с этого неблаговидного дела, потому и подавал всегда крайне скупое и неохотно.

Но тут с ним случилось что-то необычное, то, чего с ним никогда не случалось. Его словно ударила в душу какая-то непонятно откуда взявшаяся жалость, и он торопливо, удивляясь случившейся с ним перемене, сунул в узкую щель предназначенного для сбора милостыни ящичка самую крупную в то время банкноту, оказавшуюся в бабушкином ящичке единственной, кроме залетающего в него снега.

— Бабушка, что же вы на холодных ступеньках сидите — вы ведь простудитесь. — Сухова все не отпускала какая-то теплая и щемящая волна сострадания и сопричастности к чему-то высшему и дотоле ему неведомому.

Худенькая старушка словно почувствовала его душевное состояние и, глядя прямо в глаза Сухову, мягко и вместе с тем назидательно проговорила: «Отец, что ты из себя строгого изображаешь? Я ведь знаю: ты добрый, я за тебя молиться буду — как твое имя?»

Теплая, отрадная и щемящая волна его не оставляла, а только усиливалась; подобного чувства родства, жалости и понимания Сухов в своей жизни не испытывал ни к кому, может, даже и к своей собственной матери.

«Странно, одета, как бомжиха (а она и вправду не имела определенного места жительства — это Сухов узнает позже)», — думал он, но от нее самой и даже от ее бедной одежды исходило необъяснимое ощущение чистоты и благодати.

— Так о ком мне еще помолиться, раб Божий? — снова спросила бабушка.

— Помолись за дочь мою, Наташу, чтобы жизнь у нее сложилась благополучно.

— Хорошо, помолюсь и за нее, только одно помните: никто — ни ваши святые, ни ангелы небесные, ни сам Господь Бог — не спасет вас, если сами не будете стремиться к спасению.

Напутствуемый этими словами, Сухов быстро зашагал в храм: надо было поставить свечку блаженной, да и машина внизу ждала.

В храме царил полумрак, только у некоторых икон мерцали огоньки лампадок. Сухов, занятый своим впечатлением, купил самую большую и дорогую свечку и с удивлением обнаружил, что в храме только он один. Женщина, стоявшая за свечным ящичком, поспешила ему помочь разобраться в обстановке храма и подвела его к слабо освещенной лампадным светом иконе блаженной Ксении.

Сухов бережно поставил перед образом свою огромную, самую большую из всех имеющихся, что там были, свечу; с трепетом приложился к иконе и вдруг почувствовал наворачнувшиеся на глаза слезы.

«Вот, разнюнился, — подумал удивившийся самому себе Сухов. — Хорошо, что из знакомых никто не видит».

Он поднял глаза к лику блаженной Ксении и онемел: на него глядела та самая бедно одетая старушка, сидевшая на холодных ступеньках.

Сухов развернулся и почти бегом выбежал из храма, надеясь, что та еще сидит на ступеньках и он еще успеет, бросившись перед ней на колени, отдать ей все имеющиеся деньги, заплакать о своей трудной и бестолковой жизни, вымолить для дочери счастье...

Забегая наперед, скажем, что благополучие для своей дочери Сухов вымолил: Наташа нашла работу по душе, там же познакомилась со своим будущим мужем, дочку свою они назвали Софией, что означает Премудрость Божия. А разве это не так, если поглядеть на мир шире, и разве не она, Премудрость Божия, в лютый морозный питерский вечер сквозь снег и тьму привела его к милосердным стопам чудотворицы?..

А пока Сухов, готовый броситься в ноги блаженной, одиноко стоял на заметенных снегом ступеньках, далеко внизу светился огонек поджидавшей его машины; он внимательно и удивленно еще раз осмотрел все вокруг, но на глубоком снегу не отпечатались даже следы блаженной.

В петербургских подворотнях по-прежнему кружила метель, стоял жестокий мороз, но Сухов его не чувствовал...

